

"Гарри, ты не мог бы зайти на секунду?"

Прошло четыре дня до того, как Гарри Джеймс Поттер должен был вернуться в Хогвартс на пятый курс, когда его позвал крестный отец. Юный волшебник с растерянным видом вошел в кабинет, в котором он никогда не видел Сириуса, и увидел, что тот сидит за столом, положив голову на руки. Увидев вошедшего крестника, Сириус сказал ему: "Закрой дверь".

Гарри повиновался, но что-то в его сознании, казалось, было в состоянии повышенной готовности: Сириус говорил тоном, лишённым его обычного детского отношения и не слишком взрослого поведения. На самом деле, без всякого каламбура, Сириус говорил серьёзно о том, что собирался обсудить с Гарри. Для подстраховки, хотя Гарри и не знал, зачем он это сделал, Гарри повернул замок на двери, закрыв их обоих в кабинете, и подошёл к столу Сириуса: "В чём дело, Сириус?".

"Садись, малыш", - ответил Сириус, и Гарри снова подчинился, хотя ему не понравилось жуткое ощущение тревоги, пробежавшее по позвоночнику; волосы на затылке Гарри зашевелились, когда Сириус встретился с ним взглядом. "Ты должен кое-что узнать, и когда ты это узнаешь, я надеюсь, что ты сможешь простить меня за любое расстройство или боль, которые ты почувствуешь... потому что так и будет".

"Почему?" - спросил Гарри, заметив, что Сириус, похоже, колеблется, что бы он ни хотел сказать; на самом деле, он выглядел так, будто действительно боялся того, что собирался сказать. "Сириус, - добавил Гарри, его голос звучал твердо, - все... все в порядке: ничто из того, что ты говоришь или делаешь, никогда не причинит мне боли: Я доверяю тебе, так в чем же дело?"

Сириус глубоко вздохнул, прежде чем начать говорить: "Гарри, ты помнишь что-нибудь о своих родителях до... до их смерти?"

"Только отрывки", - ответил Гарри, и то же самое тревожное чувство зародилось в его сердце, когда он слушал и отвечал: что-то здесь было не так; почему Сириус спрашивал о них? "То есть, когда ко мне приближаются дементоры, я слышу, как мама и папа пытаются удержать Волдеморта, но кроме этого, я помню только... вспышки".

"Понятно, - ответил Сириус, опустив глаза, а затем спросил, - Гарри, ты ведь знаешь, что я люблю тебя, не так ли? Как своего собственного сына?"

"Я знаю", - признался Гарри, но в его словах прозвучал защитный тон, а глаза выдавали его замешательство, когда он спросил: "Почему? О чём ты хотел поговорить?"

"О том, что произойдёт... сегодня, - ответил Сириус и, опустив голову, добавил: - Я надеялся поговорить об этом с тобой заранее, но из-за присутствия Ордена и Уизли, постоянно находящихся рядом с тобой, я не мог... я не мог ничего сделать. Но то, что я должен тебе

сказать, очень важно, и я надеюсь, что ты можешь мне доверять".

"Ты знаешь, что да, Падфут", - заметил Гарри, наклоняясь вперёд и беря руки Сириуса в свои, чтобы спросить: "Что должно произойти? Что ты хочешь сказать, что ты не смог этого сделать из-за того, что... что здесь так много народу?"

Сириус встретился взглядом с глазами Гарри, увидев в них ту же невинность и свет, которые он всегда видел в глазах своего крестника, тот же изумрудно-зелёный свет, который, казалось, всегда внушал другим надежду и правду, теперь снова проявился. Пришло время: Гарри имел право знать. Глубоко вздохнув, Сириус ответил: "Гарри, не расстраивайся, но... Лили и Джеймс Поттер... не являются твоими настоящими родителями".

Внезапно стало так тихо, что можно было услышать, как падает булавка: Гарри откинулся в кресле, его глаза расширились от шока, когда он посмотрел на Сириуса, его губы пытались сформировать слова, но вместо них, вместе с тысячей вопросов, которые, казалось, воевали, желая выйти наружу, Гарри задал только один: "Что... что ты... сказал?"

"Мне очень жаль", - ответил Сириус, глядя на своего крестника и изо всех сил стараясь не отводить глаз от Гарри; когда ты встречаешь чей-то взгляд, это обычно является гарантией того, что ты говоришь правду... или очень хорошо лжёшь. "Правда, щенок: Лили... она пришла ко мне до... до того, как мы поменялись Тайными Хранителями и... и она сказала мне, что больше не может это скрывать. Она сказала мне, что ты не её сын и что для твоего же блага лучше, чтобы тебя воспитывали она и Джеймс... но из-за угрозы Волдеморта они боялись, и она хотела, чтобы кто-то, кому она могла бы доверять, знал правду. Видимо, мне повезло узнать об этом".

"И, - спросил Гарри, - почему так трудно говорить об этом? Ты сказал, что сегодня что-то должно произойти... что именно, Сириус?"

"Ты изменишься, - объяснил Сириус и, указав на грудь Гарри, добавил: - Внутри ты всё равно изменишься: у тебя появятся... способности, которых раньше не было, и в то же время ты станешь чем-то... большим, чем обычный волшебник. Как и твои настоящие родители, ты станешь... мутантом".

Это удивило Гарри: он слышал о мутантах и о том, что их либо боялись, либо, в очень редких случаях, уважали люди по всему миру; в некоторых местах на них охотились и ловили просто за то, что они были уродами природы и угрозой для человечества, в то время как в других... ну, им не так повезло, чтобы быть пойманными.

Гарри опустил взгляд, изо всех сил стараясь не расплакаться: он не знал, что чувствует в данный момент больше: страх... или злость?

Его родители, которые отдали свои жизни, чтобы защитить его, и самопожертвование которых стало главной причиной жизни Гарри и его битвы с Волдемортом, не были его родителями?

Он должен был измениться?

Стать либо хорошим героем, либо тем, что потенциально может быть использовано во зло?

Уродом?

Чудовищем?

Мутантом?

Сжав кулаки, Гарри посмотрел на Сириуса, его голос напрягся от глубокого, тяжелого дыхания, когда он спросил: "И... если мама, простите... Лили и Джеймс не мои родители, то... кто же тогда мои родители, Сириус?"

"Мутанты", - ответил Сириус, заметив белую ауру, появившуюся по краям сжатых кулаков Гарри; быстро подумав, Сириус в целях безопасности быстро наложил защитные чары на себя и ещё одни на Гарри. Если время было ближе, чем предполагал Сириус, то Гарри меньше всего хотелось причинить кому-то боль, которую он не хотел причинять. Встретив взгляд ученика, Сириус добавил: "Они всё ещё живы, Гарри: но они не из Англии. Они в Америке".

"Кто... они... они?" - спросил Гарри, и свечение вокруг его рук стало ярче, когда он встретился взглядом с Сириусом.

"Их зовут, - ответил Сириус, его голос был спокоен, несмотря на страх перед неожиданностью, который он ощущал, - Скотт и Джин Саммерс: они твои настоящие родители и скоро они свяжутся с тобой... чтобы помочь тебе использовать свои силы и контролировать новые способности, которые у тебя появились".

"Саммерс, - подумал Гарри, его глаза практически с трудом сдерживали слезы, - вот кто они такие? Вот кто я такой? Гарри Саммерс? Мутант? Урод? Как всегда говорили тётя Петуния и дядя Вернон? Они вообще мои родственники? Неужели все было ложью?"

Вопросы, ярость, напряжённость и отсутствие ответов - всё это было слишком для Гарри: он просто отпустил руки, и, когда он издал крик ярости, наконец-то позволив слезам упасть из глаз, его руки начали светиться с такой интенсивной яркостью, как будто он смотрел в самое сердце солнца. Не в силах сдержать эмоции, Гарри, полагаясь на инстинкт, вытянул руки вперёд, раздвинул пальцы, и в тот же миг из его рук вырвались два белых луча сырой энергии, ударившие в края щита, который Сириус создал вокруг него и Гарри.

"Чёрт возьми, - подумал Сириус, не в силах думать о ситуации иначе, - сила Гарри... она... она так сильна!"

"Гарри!" - закричал он, глядя на белое инферно, охватившее щит Гарри, внутри которого мальчик потерял дар речи от ярости, - "Прости меня, малыш, правда! Бывали моменты, когда я хотел тебе сказать, но Лили... она дала мне инструкции: велела подождать, пока ты не станешь достаточно взрослым, чтобы понять! Ты же знаешь, что я никогда не буду относиться к тебе хуже, чем сейчас! Пожалуйста, малыш, успокойся, дай мне объяснить".

Гарри был глух к крикам Сириуса, но Мародёр не мог оставить Гарри: правду знал ещё только один человек, но, поскольку сила Гарри была в такой неконтролируемой ярости, оставлять его одного было слишком опасно. Сириус был в растерянности: он не хотел держать это в секрете от своего воспитанника, но, как Гарри был сыном, Лили всегда была ему как сестра.

Он любил его так же сильно, как заботился о ней: может быть, это сработает.

Глубоко вздохнув, Сириус позвал: "Гарри, я не знаю, слышишь ли ты меня, но, пожалуйста, малыш, послушай. Я никогда не отвернусь от тебя, не предам тебя и свои чувства к тебе никому: ни Дамблдору, ни этим антимутантам, ни даже другим ведьмам и волшебникам. Помни, что ты не единственный нечеловек в моей жизни: Ремус - оборотень, он мне как брат, и я по-прежнему с ним. Поэтому прошу тебя, щенок: успокойся и позволь мне помочь тебе. Я не оставлю тебя выяснять правду самостоятельно: мы можем пойти вместе, втроем: ты, я и Ремус, и если ты не захочешь оставаться там, то мы вернемся, и мы с Ремусом поможем тебе. Пожалуйста, Гарри..."

Сириус опустил голову, стыдясь того, как долго он ждал, но и расстраиваясь, что его откровение так поступило с его щенком, его детёнышем, его почётным сыном;

"...я не хочу тебя потерять".